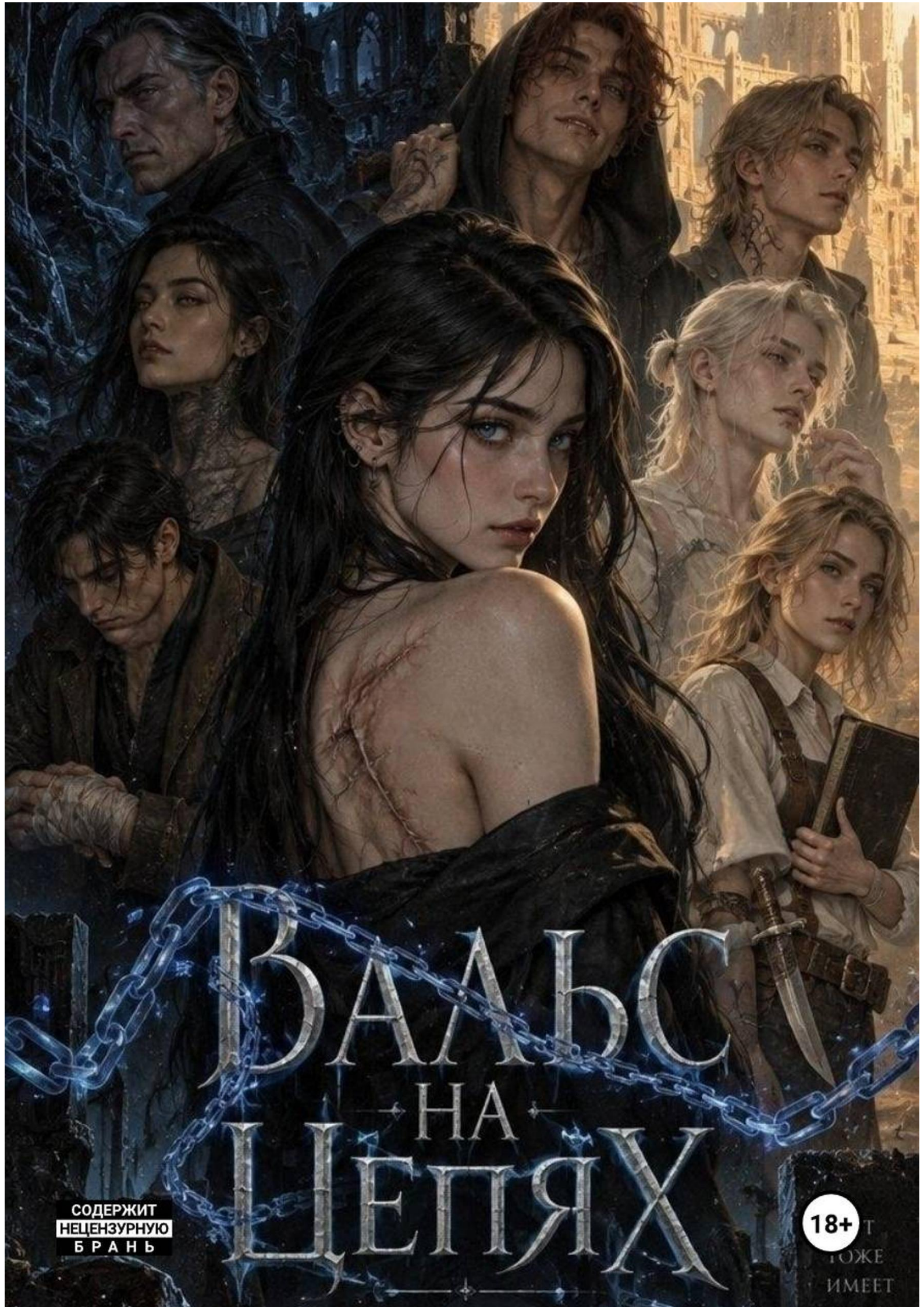

ВАЛЬС
НА
ЦЕПЯХ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ТОЖЕ
ИМЕЕТ

Сия Мартин

Вальс на цепях

«Автор»
2026

Мартин С.

Вальс на цепях / С. Мартин — «Автор», 2026

Правило первое: не чувствуй громко. Эмоция — искра. Мутация — пожар. Воспламенишься — и всё.Правило второе: не кричи. Твой голос крошит камень, рвёт стёкла и ломает людей. Поэтому тебе в спину поставили замок. Поэтому ты молчишь с десяти лет.Правило третье: не уходи за стену одна. За стеной — руины. И те, кто когда-то нарушил правила. Они не мертвы. Хуже. Они ходят, дышат и смотрят пустыми глазами. Их называют Потерянными.Три правила. Девять лет. Ноль нарушений.Я хорошо училась. Я боялась, как все. Я верила, что замок — это защита, а тишина — это жизнь.Но есть ещё одно правило. Его не пишут на стенах. О нём не предупреждают. Его учишь ты сам — в ту ночь, когда впервые переступишь порог.Никогда не верь тем, у кого вместо глаз — пустота.

© Мартин С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бал 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Сия Мартин
Вальс на цепях

Глава 1. Бал

«Я всегда думала, что цепи — это когда звено за звеном, металл по коже, тяжело, грубо. Оказывается, нет. Бывает цепь, которая не накинута кем-то, а надета своими руками — из привычки говорить «да», из чужих ожиданий, из молчания, которое ношу как второе лицо. И самое страшное, что я даже не помню, когда застегнула последнюю.»

— Запись из дневника Аракси. 17-е, осень

Внутри меня клокотал огонь, но наружу прорывалась лишь мелкая дрожь в пальцах да слишком резкие движения. Никто не должен был видеть, как я рассыпаюсь. Ярость я сжимала в кулаке, словно раскалённый уголь: больно, невыносимо, но разожми пальцы — и всё вспыхнет.

Поэтому я молчала. Крик, тяжёлый и горький, застрял в горле, и вместо него я сделала шаг. Нарочито чёткий, нарочито громкий. Каблук ударил по каменному полу, как точка в конце предложения, которое никто не хотел слышать. Пусть слышат хотя бы это.

Тёмно-синее, почти чёрное платье казалось второй кожей — тяжёлой и неподатливой. Цепочки на корсете тихо позванивали при каждом движении, и этот звук был единственным свидетелем моей ярости. Для окружающих — изящный перезвон, часть этикета. Для меня — счётчик: каждый «дзынь» означал ещё одно «терпи», ещё одно «не смей».

Зал кружился, ослепляя нарядностью и фальшивой правильностью. Лепнина на потолке давила, люстры звенели, пытаясь заглушить то, что рвалось изнутри. Причёска была безупречной — тугой пучок, из которого упрямо выбилась одна прядь. Она так и лежала на шее — единственная непокорная деталь в этом выверенном образе. Мои волосы, чёрные с синеватым отливом, отсвечивали в люстровом свете мокрыми перьями — чужими, будто я надела их вместе с платьем и корсетом.

Серьги задевали тонкую цепочку у ключиц, и каждый раз, когда холодный металл касался кожи, по спине пробегал колючий разряд — напоминание: ты на виду, не смей терять контроль. Но там, где разряд затихал — между лопаток, чуть ниже, — пульсировала тупая, ноющая точка. Я привыкла не замечать её, как не замечают собственное сердцебиение, но сейчас она билась в такт звону люстр, в такт злости, кипящей под рёбрами.

Я кружилась, почти не глядя на людей. Они были лишь фоном — размытым, бессмысленным. Смех, лёгкие платья, свободные движения — всё это звучало как чужой язык, который я больше не хотела понимать. В какой-то момент я просто остановилась. Посреди зала. Не от усталости — от нежелания больше притворяться.

Звук каблука повис в воздухе, тяжёлый и одинокий. Музыка будто споткнулась, на секунду потеряв ритм — или это только мне показалось? Тишина, вцепившаяся в зал, была короткой, но оглушительной. От резкой остановки потемнело в глазах, а холод от серёг стал острым, пробирающим до костей. Кто-то замер, кто-то неловко хихикнул, кто-то сделал вид, что ничего не произошло. А я стояла, тяжело дыша, с пылающими щеками и сжатыми кулаками, бросая залу молчаливый вызов: «Ну, скажите что-нибудь. Осудите. Поправьте. Только попробуйте».

Среди кружащихся пар, мелькающих рук и плавных поворотов, мой взгляд против воли зацепился за одну незыблемую точку у колонны.

Он стоял в стороне, наблюдая за балом как за спектаклем, который был ему одновременно смешон и интересен. Красноволосый — не просто рыжий, а будто в волосах застряли

отблески огня. Медные, растрёпанные, без капли лака или прилизанности — он выглядел здесь случайным гостем, готовым уйти в любую секунду. Худи с капюшоном посреди шёлка и бархата — как насмешка.

И самое главное — он смотрел прямо на меня. Не мимо, не сквозь, не с вежливым безразличием. Он видел. Видел мою ярость и видел, что я не пытаюсь её спрятать. И, кажется, ему это нравилось.

Он медленно, лениво приподнял бровь, будто я была шуткой, которую он уже слышал, но всё равно находил забавной. А потом накинул капюшон и шагнул в тень, прочь от света люстр. Спокойно, без спешки, будто ему было глубоко плевать, побегу я за ним или нет.

И я побежала.

Я рванулась сквозь зал, не разбирая дороги, туда, где он растворялся в дверях. Но танцующие пары смыкались плотной стеной. Кто-то крутанулся прямо передо мной, взметнув подол платья, заслонив проход. Кто-то рассмеялся мне в лицо, даже не заметив моего присутствия. Я пыталась проскользнуть между ними, но меня неизменно отталкивали обратно — не нарочно, словно я была чужеродной деталью, которую механизм зала выталкивал на место.

Стиснув зубы, я рванулась снова — и замерла.

На запястье. Тонкая чёрная цепь, обвившая руку чуть выше кисти. Не золотая, как те, что на корсете. Чёрная. Она лежала плотно, но не давила. Металл был холодным — не так, как серебро, а иначе. Холод просачивался под кожу, будто цепь вытягивала из меня тепло. А под ней — светлая полоска, почти белая, тонкая, как след от давно снятого браслета. Только это был не след. Она пульсировала в такт чему-то, что я не слышала, но чувствовала: слабый, глухой ритм под лопаткой, словно второе сердце, бьющееся медленнее первого.

Когда я это надела? Не помню. Звенья отозвались коротким лязгом, когда я дёрнула рукой, пытаясь сорвать цепь. Не вышло. Пальцы скользнули по металлу, и он вдруг показался тёплым. Моим. Будто цепь стала частью кожи, а не украшением.

Толпа снова сомкнулась. Чья-то рука легла на локоть, приглашая на танец. Я отпрянула и увидела вторую цепь — на лодыжке. Тонкая, чёрная, она обвивала щиколотку и уходила под край туфли. Я застыла, уставившись на неё. Откуда? Я ведь видела свои ноги, когда обувалась. Точно видела. Цепей не было. Или я просто не замечала? Голова пошла кругом.

Я сделала шаг к выходу — и едва не упала. Что-то держало. Опустив глаза, я увидела третью цепь, тянувшуюся от талии к каменному полу. Звено вросло в камень. Намертво. Я стояла посреди зала, прикованная к полу.

Рванула сильнее. Цепь натянулась, но не лопнула — она просто остановила меня. Ровно настолько, чтобы я не упала, но и не прошла дальше. Я стояла, тяжело дыша, и смотрела на эти звенья. Это же просто деталь наряда. Я готовилась к балу, я надевала платье… почему я не помню, как эти цепи оказались на мне?

В проёме мелькнул капюшон. Он остановился. Краем глаза, сквозь чужие плечи и улыбки, я видела его. Он стоял в темноте и смотрел на меня. Не сочувственно. Не испуганно. Ухмылялся — едва заметно, одним уголком губ. Так ухмыляются, когда знают наперёд: ты не сможешь. Когда уже пробовали, и не вышло.

Я снова дёрнула цепь. Лязг. Холодный металл впился в кожу. Ещё раз. Лязг. Он продолжал смотреть.

Я замерла. Перестала рваться, перестала бороться с неизбежным. Просто стояла, глядя на него, пытаясь осознать: что это? Почему на мне оковы, которых я не помню? Почему он смотрит так, будто это — лишь начало представления? И почему никто в этом зале не видит, как я прикована к полу?

И тут — тишина. Не та короткая, неловкая пауза, когда музыка спотыкается. Другая. Глубокая, вакуумная. Будто кто-то выключил звук всего мира разом. Пары застыли в нелепых позах. Лица превратились в маски. Люстры перестали звенеть. В этой мёртвой тишине я

услышала: то, что билось под лопаткой, забилось чаще. Громче. Ритм сбился, и холод от цепей хлынул по руке вверх, к плечу, к шее, а затем — по позвоночнику, прямо к той ноющей точке, которая пульсировала весь вечер.

Я открыла рот, чтобы крикнуть, но из горла вырвался лишь сдавленный выдох. А потом — вибрация. Воздух вокруг задрожал, как от близкого грома. Стёкла в окнах пошли мелкой рябью, серьги в ушах отозвались тонким звоном — не от движения, а от частоты, которая исходила из меня, из того места, где билось второе сердце.

А потом — темнота. Не та, что в зале, а другая — густая, тёплая, безымянная. Цепи исчезли. Платье рассыпалось прахом. Осталась только ноющая точка между лопаток и светлая полоска на запястье, которая в этой пустоте разгорелась, как маяк, указывая путь туда, где больше не было ни бала, ни танцев, ни людей. Только он. И его ухмылка, ставшая теперь единственным ориентиром в этой звенящей тишине.

Потолок. Серый, в трещинах, с пятном сырости в углу, которое я знаю наизусть: оно похоже на птицу с растопыренными крыльями. Общая комната. Ряды узких металлических кроватей, укрытых тонкими одеялами. Кто-то дышит ровно и глубоко, кто-то ворочается, кто-то скрипит зубами во сне. Утро. В приюте оно всегда начинается не со света, а со звука.

Приют — это старое трёхэтажное здание из серого камня на окраине квартала, где город встречается с лесом светящихся деревьев. Когда-то здесь была казарма — это видно по планировке: длинные коридоры, каменные лестницы, низкие потолки, двери без замков — их здесь не полагалось запирать. Потом стены поделили на комнаты, поставили перегородки, завесили окна решётками — не от воров, а от того, что ползёт по ночам от деревьев. Деревья росли вплотную к западной стене, и их голубоватое свечение проникало даже сквозь камень, ложась на пол тусклыми пятнами, похожими на лунный свет, только холоднее. Корни уже подобрались к фундаменту — Вэр говорил, что ещё года три, и они начнут пробивать стены изнутри. Приют держался, но чувствовалось: он сдаёт. Как и всё остальное в этом мире.

Свет от деревьев был мягким, болезненным, и от него ныло под лопаткой — там, где жил замок. Я знала, что другие чувствуют то же. Рейден — на моей стороне комнаты, через две кровати — просыпался всегда раньше всех, но не вставал, а лежал, прижимая к груди правую руку, ту, что просвечивала. Мы попали в приют в один год, нас определили в один поток — четвёртый, последний набор, после которого Ванора перестала принимать новых. Нас было семеро. Один поток. Одна комната. Три года в одном коридоре, на одних кроватях, под одним потолком, где каждое утро начиналось с одного и того же пятна.

Полоска на запястье пульсировала — слабо, но ощутимо. Сжала кулак, разжала. Нормально. Под лопаткой привычно ныло — тупая боль, просыпающаяся вместе со мной, как вторая память: о цепях, которых больше нет, и о замке, который всё ещё здесь.

Я села на кровати, машинально заправив за ухо прядь — чёрную, с синеватым отливом. Настоящую. Мою. Рабочая одежда — тёмно-серая, плотная, практичная — висела на спинке кровати. Простой прямой крой, нагрудные карманы, крепкий пояс, ткань, истиранная до мягкости. Ни знаков, ни нашивок, ни эмблем — только одежда, в которой удобно работать, тренироваться и жить. Я накинула её на плечи, но не застегнула. Застёгивать утром казалось лишним — будто признаёшь, что день начался, а я ещё не была готова это признать.

Из коридора донёсся скрежет ложки о чугунную кастрюлю. Воздух стал гуще, пропитался запахом корня тёрна, сушёных трав и дыма. Кухня. Там всегда начинал день Дамиан.

Встала, накинула на плечи куртку — поверх рабочей одежды, потому что в коридоре всегда тянуло сквозняком. Половицы скрипели — каждая на свой лад, я знала все их голоса. Серый свет из окон ложился на каменный пол длинными полосами, смешиваясь с голубоватым свечением, просачивающимся с западной стороны.

По пути заглянула в общий зал. Рейден сидел в углу на скамье, закутавшись в куртку на размер больше, подтянув колени к подбородку. Его правая рука чуть просвечивала: сквозь

пальцы тускло мерцала текстура дерева скамьи. Заметив мой взгляд, он быстро спрятал ладонь в рукав — привычно, как прячут что-то постыдное. Мы были в одном потоке три года, и за это время я видела, как его рука менялась — от лёгкой прозрачности в первые месяцы до того, что теперь: полупрозрачная, дрожащая, готовая исчезнуть в любой момент. Я не спросила. В приюте не принято.

— Не спишь? — тихо сказал он, не поднимая глаз. Голос у Рейдена всегда был тихим — не от робости, а от чего-то другого, словно он экономил слова, боясь, что они кончатся.

— Не сплю, — ответила я.

Он кивнул, и этого было достаточно. Мы давно перестали нуждаться в лишних словах. Тринадцать лет в одном потоке — это как тринадцать лет в одной клетке: вы либо начинаете ненавидеть друг друга, либо учитесь молчать вместе. Мы выбрали второе.

Кухня была тесной, с низким потолком и закопчённым вытяжным коробом. Дамиан стоял у плиты в старом фартуке, заляпанном специями. Он помешивал кашу, а когда обернулся, на его лице вспыхнула улыбка — широкая, искренняя. Не дежурная, не «успокоительная», а такая, будто моё появление было для него чем-то хорошим.

— Аракси! — он приподнял брови, удивившись громкости собственного голоса, и тут же приглушил его, вспомнив правила приюта. — Ты сегодня рано. Или я поздно? — он усмехнулся, и морщинки у глаз стали глубже, а в улыбке проступило что-то тёплое, лишённое привычной тяжести. — Каша почти готова. С тёрном, как ты любишь. Ну, то есть… как нам всем приходится.

Он говорил легко, но я заметила, как его взгляд скользнул по моим рукам и задержался на запястье, где под рукавом пряталась светлая полоска. Всего на миг. Опять эта жалость. Бесит.

Дамиан был старше меня на два года — ему двадцать один, хотя выглядел на все тридцать: широкие плечи, тяжёлые руки, тёмные волосы, зачёсанные назад, но вечно сбивающиеся на лоб, и ранняя седина. Он единственный носил рабочую одежду как полагается — застёгнутую, отглаженную, с поясом. Ванора требовала от него этого, а он не спорил. Он вообще не спорил — ни с кем, и особенно с ней. Потому что Ванора была его матерью.

Об этом не говорили вслух, но все знали. Это чувствовалось в том, как Ванора останавливалась у его кровати на перекличке на секунду дольше, чем у других. В том, как у него были те же жёлтые глаза — только мягче, теплее, с чем-то живым внутри, что у Ваноры давно выгорело. Он был её сыном, и это было одновременно его щитом и его цепью: она не бросила его, но и не отпустила. Он жил здесь не как воспитанник, а как часть механизма — зубчатое колесо, которое вертелось, потому что должно, а не потому что хотело.

— Держи, — он протянул миску. Его пальцы на секунду задержались на краю, словно он хотел что-то добавить, но передумал. — Ешь, пока тёплая. Остынет — станет совсем горькой.

Я приняла миску. Керамика была тёплой, шероховатой, до боли привычной. Дамиан снова отвернулся к плите, будто ему жизненно необходимо было занять чем-то руки. Он взялся за половник и принялся мешать кашу — слишком старательно, словно в гуще скрывался какой-то важный ответ.

— Знаешь, — произнёс он, не оборачиваясь, — сегодня Ванора хочет провести тренировку по контролю. Ничего особенного: дыхание, заземление. Ты ведь понимаешь, как это… — он запнулся, осознав, что звучит как оправдание. — Но если хочешь, мы можем просто пройтись по коридору. Без тренировок. Просто чтобы день начался спокойно.

Он обернулся и улыбнулся — неуверенно, словно проверял, не слишком ли много на себя взял. В его улыбке было что-то от Ваноры — та же форма губ, та же прямота, — но без её холода. Будто он взял от неё форму, но наполнил своим содержанием.

— Или не надо. Если не хочется. Просто каша. Просто день. Всё нормально.

Я кивнула.

— Спасибо, Дамиан, — голос прозвучал тише, чем хотелось, но искренне. — Каша… она помогает.

Он улыбнулся свободнее, будто этот короткий кивок был тем самым ответом, которого он ждал.

— Вот и хорошо.

Я села на табурет у стены, прижимая миску к ладоням, чтобы впитать тепло. Полоска на запястье молчала. Замок под лопаткой притих — послушно, как собака, которую только что погладили. Дамиан остался у плиты, время от времени бросая на меня взгляды, словно убеждаясь, что всё в порядке.

Через узкое, забранное решёткой окно пробивался серый свет. В воздухе смешались запахи дыма, мокрого камня и чего-то сладковатого, чужого: за стенами приюта цвели светящиеся деревья. Я знала этот аромат — он появлялся каждую осень, напоминая, что корни растут всё ближе.

С крыши донёсся тихий стук: камень о жесть. Три удара. Фин. Наш условный язык, придуманный ещё в первый год: два удара — «мне плохо, выходи», три — «всё нормально, я здесь». Он выстукивал их каждое утро, до переклички, до каши, до всего остального. Считал — и давал нам знак: мир пока держится.

Фин — русые неровно стриженные волосы, серые спокойные глаза, мешковатая одежда под рабочим мундиром, который он носил расстёгнутым, как и всё остальное. Тихий, незаметный, из тех, кто умеет растворяться в комнате так, что забываешь о его присутствии. Он не говорил много, не шумел, не привлекал внимания — просто был. Как стена, о которую можно опереться, если знаешь, что она есть. А она есть. Всегда была.

Мы попали в приют в один год. В первый же день я нашла его на крыше: он сидел у края и стучал камнем по жестяному листу — размеренно, без спешки. На его шее пульсировала чёрная вена, а когда я приблизилась, то увидела в нём то же, что потом видела у остальных. И у себя. Страх. Страх навредить.

Тогда я молча села рядом. Потом взяла второй камень и выстучала в ответ: три удара. Он посмотрел на меня — и не спросил, зачем. С тех пор это наш ритуал. Если кому-то плохо — два удара по жестяному листу, и второй поднимается на крышу. Без вопросов, без советов. Просто садится рядом и молчит, пока не станет легче. Не за вопросами. Не за словами. За молчанием — за этой незыблемой, тихой: «Мы вместе, ты не один».

Дамиан снял кастрюлю с огня и выключил горелку. Опёрся ладонью о край стола, собираясь что-то сказать, но вместо этого просто коротко, по-свойски кивнул.

— Если что, я тут, — сказал он просто, без пафоса. Будто быть рядом, мешать кашу и улыбаться, чтобы день не начинался с тревоги, — это самая обычная вещь на свете.

Я опустила взгляд в миску. Каша была густой, тёмно-коричневой, с волокнами тёрна. Ложка глухо стукнула о керамику. Первый глоток обжёг язык — не температурой, а горечью. Но эта горечь была знакомой. Привычной. Она не обещала ничего хорошего, зато была честной. В отличие от бала, где всё сияло красотой, а внутри разъедало пустотой.

Вэр появился в кухне без стука — как всегда. Он входил в комнаты так, словно был частью воздуха: ни шага лишнего, ни звука. Высокий, сухой, с гладко зачёсанными тёмными волосами, в которых у висков проступала серебристая седина. Глаза — бесцветные, не серые, не голубые, а именно никакие: смотрели сквозь тебя, как сквозь стекло. Ему было пятьдесят два, но двигался он так, словно возраст был чем-то, что касался других. Руки — длинные, костлявые — всегда чуть прятались в рукавах. Один раз, когда он закатал рукав, чтобы проверить Орви, я увидела: на его предплечьях — чёрные линии, тонкие, как проволока, и беловатые старые шрамы, идущие параллельно, будто от порезов, которые заживали долго и плохо. Он быстро опустил рукав, и никто не спросил. Не спрашивают.

Он был врачом — не целителем, не травником, а врачом в старом смысле этого слова: он знал тела. Замки, полоски, мутации, чёрные вены Фина, просвечивающая рука Рейдена — всё это проходило через его руки. Он не лечил — он наблюдал: измерял, записывал в толстый журнал, по одному на каждого из нас, и когда наблюдение становилось предупреждением, говорил Ваноре. Что та делала с этим — другой вопрос. Все считали его просто врачом, помощником Ваноры, — тихим, незаменимым, всегда рядом. Никто не задавал вопросов. Никто не смотрел на его руки.

— Дамиан, — голос Вэра был низким, ровным, без интонации. Не вопрос — вызов. — Руки.

Дамиан послушно протянул руки. Вэр взял его запястья, повернул, посмотрел на кожу. Его пальцы двигались быстро, привычно. Он проверял следы от прикосновений — бледные полосы, которые появлялись у всех нас, когда замок активизировался. У Дамиана следов не было.

— Чисто, — сказал он и отпустил. Потом повернулся ко мне. — Ты.

Я протянула руки. Вэр взял их, и его пальцы тут же нашли полоску на запястье — провели по ней, чуть нажали. Полоска мигнула — ярко, болезненно, — и Вэр нахмурился. Его бесцветные глаза сузились, будто он увидел что-то, чего не ожидал.

— Пульсирует сильнее, чем вчера, — сказал он, не мне — себе, будто вёл заметку вслух. — Замок?

— Тихо, — ответила я.

— Тихо — не значит спокойно, — Вэр посмотрел на меня, и от этого взгляда стало холодно. Не страх — именно холод, будто он забирал тепло из комнаты. — Тихо — значит, спит. Узнай разницу, пока не поздно.

Он отпустил мои руки, достал из кармана маленький блокнот и что-то записал — быстро, коротко, несколькими штрихами. Потом закрыл и убрал. Движения были точными, экономными, как у человека, который привык не тратить ни жеста, ни слова зря.

— Сегодня проверю Фина, — сказал он Дамиану, уже не глядя на меня. — Вены поднялись до челюсти. Если к вечеру дойдут до виска — я заберу его из потока.

Дамиан кивнул. Его лицо не изменилось, но я видела, как сжались его пальцы на краю стола.

— Он знает? — спросил Дамиан тихо.

— Он считает на крыше, — ответил Вэр. — Он всегда знает.

И вышел. Так же беззвучно, как вошёл.

Я смотрела ему вслед. Вэр был единственным, кого боялась даже Ванора. Не открыто — она не боялась ничего открыто, — но я видела, как она замолкала, когда он говорил «нет». Как отступала. На полшага, на секунду, но — отступала. Потому что Вэр не играл в контроль и силу. Он играл в правду. И правда была страшнее. Когда он входил в комнату, воздух становился чуть гуще, а тишина — чуть глубже. Я не знала почему. Просто чувствовала.

Ванора проводила перекличку не в зале, а прямо у входа в коридор — словно хотела, чтобы мы чувствовали себя не дома, а на пороге, откуда в любой момент могут выставить. Она стояла, выпрямившись, будто внутри у неё была стальная ось. Её взгляд скользил не по лицам — по плечам, по рукам, по тому, как мы держим себя. Тень Ваноры распласталась по полу тёмным ковром, вытянувшись неестественно далеко: казалось, она жила собственной жизнью, выискивая того, кто дрогнет первым.

— Построиться, — произнесла она ровно. Без крика, без напряжения. Просто факт, не терпящий возражений. — В линию. Плечом к плечу.

Ни шёпота, ни лишнего движения. Все знали: если Ванора говорит «построиться», любое движение — уже ошибка.

Она шла вдоль ряда, не спеша. Каждый её шаг звучал весомее наших. Останавливаясь напротив каждого, она смотрела не в глаза, а чуть выше — туда, где под кожей прятались наши замки. Тень при этом тянулась следом, прощупывая границы.

Перед Орви она задержалась дольше. Девочка стиснула кулаки так, что побелели костяшки. Она пыталась удержать в себе свет — тот самый, что раньше вырывался из её ладоней, когда она смеялась. Сейчас она не смеялась. Она боялась даже дышать.

Ванора наклонилась к ней — не чтобы утешить, а чтобы проверить.

— Расслабься, — голос оставался всё таким же ровным. — Ты напряжена. Это мешает контролю.

Орви попыталась. Пальцы чуть разжались. В тот же миг тень Ваноры скользнула вперёд, коснулась плеча девочки — и свет, который Орви так старательно прятала, погас. Не постепенно, не мягко — резко, как гаснет лампа при разрыве провода. Орви побледнела, её глаза стали пустыми и холодными, как у куклы.

— Так лучше, — спокойно констатировала Ванора. — Теперь ты спокойна.

Никто не шелохнулся. Никто не проронил ни слова. Мы знали: если скажешь — тень пойдёт дальше. К тебе.

Когда Ванора остановилась напротив меня, я почувствовала, как замок под лопаткой сжался, пытаясь спрятаться. Её жёлтые глаза смотрели без гнева или радости — так смотрят на деталь механизма, требующую проверки. Те же глаза, что у Дамиана. Только у Дамиана в них было тепло, а у неё — рентген.

— Ты сегодня раздражена, — сказала она. — Я вижу это по тому, как ты держишь плечи. И по тому, как сжимаешь ложку, когда думаешь, что никто не смотрит.

Я промолчала.

— Контроль — это не про то, чтобы не чувствовать, — продолжила она. — Контроль — это про то, чтобы чувства не управляли тобой. Если ты не научишься этому, твой замок станет угрозой для приюта.

Она сделала паузу — ровно такую, чтобы каждый успел ощутить, как слово «угроза» ложится на плечи тяжестью.

— Сегодня тренировка на подавление всплесков. Рейден, ты первый.

Рейден не вздрогнул, хотя тень Ваноры легла на его плечо, словно проверяя на прочность. Он вышел в центр площадки — туда, где пол был стёрт до камня, где каждый день кто-то учился не срываться.

Ванора встала напротив, безучастная, как человек, который знает финал пьесы и которому скучно её досматривать.

— Вспомни момент, когда впервые увидел, что твоя рука просвечивает, — её голос был сухим, как шёлест бумаги. — Вспомни страх. Как хотелось спрятаться. Как казалось, что мир рушится, потому что ты становишься чужим даже самому себе.

Рейден замер. Его плечи дрогнули, куртка натянулась, и на мгновение воздух вокруг него пошёл рябью, словно над раскалённым камнем. Свет, рвущийся изнутри, был тусклым, болезненным, как у умирающей звезды. Я смотрела и помнила: три года назад его рука была нормальной. Обычной. Он пришёл в приют с прозрачной полоской на мизинце — маленькой, едва заметной. За три года она выросла до запястья, потом до локтя, и теперь — вся правая рука. Мы были в одном потоке, и я видела, как мутация съедала его по кусочкам, медленно, неотвратимо, день за днём.

Ванора кивнула — коротко, будто поставила галочку в невидимом списке.

— Хорошо. Ты удержал. Но это было близко. Ещё один такой всплеск — и мы будем вынуждены усилить фиксацию.

Рейден ничего не ответил. Просто кивнул и отошёл, не поднимая глаз. Его куртка казалась слишком большой, будто он пытался спрятаться в ней, как в коконе, но теперь даже ткань не могла скрыть его дрожь.

— Аракси, — голос Ваноры прозвучал ровно, без пауз, не давая времени на передышку. — Ты сегодня раздражена. Я вижу это. Покажи мне, где это живёт.

Я замерла. Не от страха — от того, как точно она попала в цель, назвав то, что я отчаянно пыталась скрыть. Замок под лопаткой отозвался тупой, жгучей болью, будто в него вонзили раскалённую иглу.

— Не играй в молчание, — бросила Ванора, словно читая мои мысли. — Молчание — тоже реакция. Если копить его внутри, однажды оно вырвется и сметёт всё вокруг. Покажи, где злость. Пусть она станет точкой, которую ты видишь. Не чувством. Просто точкой.

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Точка была там, под лопаткой — та самая, что ныла с утра, пульсируя в такт моему гневу. Я попыталась представить её чем-то инородным: не частью себя, а камешком, застрявшим под кожей.

— Сильнее, — скомандовала Ванора. — Не прячь её в тень. Вытащи на свет. Сделай её видимой.

Замок сопротивлялся, пытаясь сжаться и уйти глубже, чтобы его не трогали. Но я заставила себя удерживать эту точку в фокусе, как держат в ладони раскалённый уголь, зная, что бросить его — значит обжечься ещё сильнее.

Тень Ваноры коснулась моей спины — тонкой, острой полосой, как лезвие. Боль под лопаткой вспыхнула, но не разлилась, а сжалась в плотный комок, как капля воды на раскалённом камне. Я не закричала. Не шевельнулась. Просто смотрела перед собой — на серую стену, на пятно сырости, причудливо напоминающее птицу.

— Хорошо, — произнесла Ванора тем же тоном. — Ты видишь её. Это уже контроль.

В её словах не было похвалы — лишь сухая констатация факта, как запись в журнале.

— Теперь удерживай. Даже когда хочется отвернуться. Даже когда кажется, что ты справишься и без этого. Удерживай.

Она повернулась к остальным, мгновенно забыв обо мне, словно я была лишь деталью механизма, требующей настройки.

— Саера, ты следующая. Фин, подготовь зону. Орви — стоять на месте. Если почувствуешь, что свет рвётся наружу, скажи. Не пытайся удержать его в одиночку.

Орви кивнула, но её глаза были пустыми, как у куклы. Она больше не прятала страх — она его просто не чувствовала. Или уже не могла.

Ванора двигалась вдоль ряда, отмечая слабые места, как мастер — трещины в стене: спокойно, методично, без тени жалости. Её тень тянулась следом, проверяя каждого, касаясь плеч, спин, запястий — везде, где прятались эмоции, способные стать угрозой.

Я опустила взгляд на свои руки. Светлая полоска на запястье едва заметно пульсировала — не в такт сердцу, а в каком-то странном, чужом ритме, отвечая на прикосновение тени.

Дамиан стоял у стены, чуть в стороне — не мешая, но оставаясь на виду. Он не смотрел на Ванору, он наблюдал за нами, за тем, как мы пытаемся не дрогнуть. В его взгляде не было осуждения, но и облегчения тоже. Он был здесь, как якорь: не спасает от шторма, но помогает не потерять курс. Ванора не гнала его — никогда. Он мог стоять и смотреть. Он — её сын. Единственный, кому разрешено было видеть её работу не как угрозу, а как урок.

Ванора остановилась напротив Саеры. Та держала блокнот перед собой, как щит; пальцы побелели от напряжения.

— Отложи, — сказала она девушке. — Сейчас тебе не нужны записи. Сейчас тебе нужно видеть.

Саера медленно опустила блокнот на скамью, но рука дрогнула, и тетрадь едва не упала. Она успела подхватить её, но этот жест выдал её с головой — она боялась отпустить то, что давало ей опору.

— Ты боишься не знать, — заметила Ванора. — Ты пишешь, чтобы мир стал понятным. Но он не станет таким, пока ты не научишься смотреть без слов. Смотри. Прямо на меня. Не на тень. На меня.

Саера подняла голову. В её глазах, почти чёрных, застыл такой испуг, будто она стояла на краю обрыва, боясь даже моргнуть.

— Дыши, — скомандовала Ванора. — Не глубоко. Не медленно. Просто дыши. Пусть воздух проходит сквозь тебя, не задерживаясь. Не превращай его в оправдание или укрытие. Это просто воздух.

Саера вдохнула — коротко, судорожно, словно боялась, что глубокий вдох сломает её изнутри.

— Ещё раз, — голос Ваноры не смягчился. Он оставался ровным и непреклонным. — Ещё. И ещё. Пока не почувствуешь, что можешь стоять без щита.

Фин подошёл к площадке и молча очертил границы мелом — тонкие линии на стёртом камне. Его движения были скупыми и точными. Он не смотрел на Ванору, но выполнял всё так, будто её требования были впечатаны у него под кожей. Чёрные вены по шее вздулись чуть сильнее — от напряжения, от близости тени, от чего-то ещё, чего он не говорил.

Ванора снова повернулась к нам. Её жёлтые глаза скользили по лицам, фиксируя каждый вздох, каждый дрожащи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.